

Посвящается Крейгу,
который и есть то основание,
откуда берет начало
моя принадлежность.

СЛОВА ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Я хочу поблагодарить Терри Кемптона, моего друга и редактора, за то, что он прошел вместе со мной весь этот нелегкий путь, со знанием дела помогая появиться на свет этой книге; Анджелу Гиги, прочитавшую всю рукопись от начала и до конца и разившую меня своей решительностью, снабдив еще и ценными замечаниями; Каойму Меррик — за ее расточительно щедрые страницы, преисполненные энтузиазмом; Мишель Тохер — за то, что она воодушевила меня вынести историю личной жизни на суд читателей; Молли Костелло, которая смогла в иллюстрации обложки книги воплотить все, что я хотела сказать в своей книге; свою покойную наставницу Энни Якобсен, которая, вопреки всем моим сомнениям, убедила меня, что я могу писать хорошие книги; и, больше всех, Крейга Паттерсона, моего любимого мужа, ежедневно показывающего мне, как создается принадлежность, — своим неизменным обаянием, мудрой критикой и беспредельной щедростью своей нежности. И в заключение я хотела бы высказать слова признательности острову Солт-Спринг за то, что он удерживает меня в мистических объятиях своих переплетенных ветвей и питает своей влагой мои слова.

Посвящается всем бунтарям и белым воронам, отщепенцам и аутсайдерам. Посвящается всем беженцам, сиротам, козлам отпущения и тем, кто не от мира сего. Посвящается всем изгоям, брошенным, отверженным и дауншифтерам.

Желаю вам понять, причем со все возрастающей ясностью, что вы знаете то, что вам известно.

Желаю вам отказаться от неуверенности в себе, мягкотелости и нерешительности.

Желаю вам найти в себе силы быть непохожим на других и в процессе этого испытать безоговорочную любовь.

Желаю вам не обращать внимания на неправильное восприятие вас окружающими людьми и научиться четко и тактично доносить до них свое несогласие.

Желаю вам со всепоглощающей ясностью природы, живущей внутри вас, увидеть, что ваш голос не просто необходим, но и крайне важен, чтобы докричаться до нас из всего этого хаоса.

Желаю вам чувствовать поддержку, сопричастность и уверенность, когда вы вручаете самих себя и все ваши бесценные дары окружающему миру.

Желаю вам уверенности в том, что, даже когда вы остаетесь один на один со всем миром, вы не одиноки.

*С любовью,
Токо-па*

Глава I

НЕЧТО БОЛЕЕ ВАЖНОЕ

В этом бренном мире, которому ты принадлежишь. В этот момент, в этом месте, где ты живешь, есть нечто более важное, что всегда сопровождает тебя. Ты тесно связан с целой чередой поколений выживших. Где-то между героическими смертями, за которыми последовали новые жизни, и предшествовавшими им любовными встречами начала хитроумно плестись история твоей жизни. Сливаясь с безудержным ликованием природы, ты продолжаешь шаг за шагом идти по жизни. Благодаря условиям каждого времени года и неосязаемому предрасположению небес твоя жизнь пусть и с трудом, но все-таки продолжается.

Хотя, возможно, ты чувствуешь, как и многие из нас, тоску жизни, осиротевшей из-за отсутствия принадлежности.

Существует много способов стать сиротой. Это может произойти либо из-за того, что родители не хотят заботиться о тебе, либо из-за того, что кто-то не воспринимает всерьез твои таланты. Из-за Системы, которая требует от тебя благонадежности, но одновременно старается избавиться от твоей самобытности. Или по «милости» истории, когда из-за нетерпимости и войны ты стал беженцем.

Но мы также можем осиротеть из-за культуры, которая увековечивает одни ценности и отвергает другие, заставляя нас отцепить от себя те части собственного «я», которые ей нежелательны. И это, вероятно, худший вариант сиротства, потому что он приводит к отчужденности, к которой мы все так или иначе причастны.

Итак, начав с такой незаметной на первый взгляд ранки, даже не понимая, почему все потеряли, мы должны жить с этой всю оставшуюся жизнь. Мы должны начинать с отсутствия — сильного душевного порыва к недостижимому желанию смягчить боль — и проследовать за ним в самое сердце изгиба, чтобы

узнать, что можно (если вообще можно) сделать с этой пустотой. То есть стать найденышем, лишенным родителей.

Хотя многое в нашей жизни обусловлено принадлежностью, тем не менее о ней редко говорят на людях. Как и в случае с горем, смертью и чувством собственной неполноценности, нас подводят к мысли о том, что ощущать свою непричастность — постыдное дело и в этом случае лучше уйти в тень. Весь парадокс состоит в том, что современная культура страдает от эпидемии враждебности, поэтому многие из нас испытывают одиночество из-за своей непричастности, как если бы кто-то еще был внутри вещи, снаружи которой только мы стоим в одиночестве. И замалчивание своего личного опыта о том, как жить в отчуждении, по большей части и является тем, что обуславливает его сохранение в веках.

Мы живем во времена разобщения, когда расизм, сексизм, ксенофобия и другие системные формы искусственного обособления или «отчуждения» укрепляют позиции во всем мире. Сегодня, как никогда раньше, мы становимся свидетелями такой массовой миграции людей через границы, которую можно сравнить с сейсмической активностью. И все трудности, вызванные оседанием и ассимиляцией, продолжают оставаться такими же глобальными и сложными, как и во времена нескольких предшествующих поколений. Сегодня мы оказались в критической ситуации, расходясь во мнениях по политическим, гендерным и расовым вопросам. И на этом безмолвном пути принадлежность становится главным камнем преткновения нашего времени.

Несомненно, один из самых главных мотиваторов моей жизни, страстное желание принадлежности, формировало меня таким образом, что я и не догадывалась об этом, до тех пор, пока в конце концов оно не схватило меня за волосы и не заволокло на ужасающее прокрустово ложе. Эта книга представляет собой путевые заметки об инициации, на которую у меня ушли годы, и о пути, ведущем через кажущуюся бесконечной череду ворот, причем каждые из них требовали отказаться от чего-то ценного для меня. Таким образом, я обращаюсь к тебе не как эксперт в области принадлежности, а как сирота, которой необходимо было открыть, как много приходится терять, прежде чем заново откроешь себя.

Принадлежность может быть самой разнообразной. Первое, что приходит на ум, — это ощущение сопричастности к социуму по роду деятельности или по территориальному признаку. Для многих из нас страстное желание принадлежать начинается с семьи. Затем следует ощущение сильного стремления быть рядом с близким человеком в святилище любовных отношений и принадлежность, которую мы рвемся испытать ради каких-то своих целей или склонностей. Также существует духовное стремление принадлежать к исповеданию тех или иных традиций или обычаев, принадлежность к познанию и приобщению к наследию предков. И хотя мы даже не замечаем, как такое разъединение влияет на нас, вызванная им боль отдается эхом в наших телах.

Также существуют такие едва уловимые виды принадлежностей, как, например, та, которую мы должны, по большому счету, сделать историей своей жизни, и таланты, которые будут выкованы из этого. И если шире взглянуть на эту проблему, то можно обнаружить сопричастность со всей землей, которая чувствуется (или не чувствуется) где-то в глубине сердца каждого из нас. Наконец, есть великая принадлежность, по-видимому, самая смутная и устойчивая из всех, — страстное желание принадлежать к «чему-то большому», что придает смысл всей нашей жизни.

Живой мост

На северо-востоке Индии, высоко в горах штата Мегхалая, летние муссонные дожди становятся настолько сильными, что текущие в долинах реки превращаются в бурные и непредсказуемые потоки, через которые невозможно переправиться. Несколько веков назад население прибрежных деревень придумало хитроумное решение проблемы. Люди стали сажать огромные раскидистые деревья — баньяны — на противоположных берегах и тянуть через реку их бегущие корни, пока они не соединялись друг с другом.

Несмотря на всю медленность процесса связывания корней и переплетения их вместе, жители деревень создают прочный живой мост, способный выдержать наводнения, вызванные муссонными дождями.

Но, так как всю эту работу нельзя выполнить в течение одной человеческой жизни, знание того, как связывать и содержать в хорошем состоянии мост из корней, передается молодому поколению, которое сохраняет эту традицию живой. Таким образом, оно вносит свою посильную лепту в сохранение мостов в долинах Мегхалаи, которые приводят в трепет только одним видом переплетенных живых корней [1].

Если использовать живой мост в качестве метафоры для объяснения того, как действует принадлежность, нам следует представить себя оказавшимися в затруднительном положении, стоящими на одном берегу бурлящей реки и стремящимися объединиться с чем-то важным, что лежит вне зоны нашего доступа. Будь то сильная тоска по поиску своего истинного места в этом мире, родственных душ или отношений, наполненных глубоким внутренним смыслом, в любом случае страстное желание принадлежать — мощный безмолвный мотиватор, лежащий в основе многих наших стремлений.

В течение многих лет работы со сновидениями я обнаружила, что такое страстное желание быть частью чего-либо лежит в основе многих наших запросов. Это стремление к признанию своих талантов, к своей востребованности в любовных и родственных отношениях, к ощущению своей потребности и необходимости своему сообществу. Но это также является тяготением к открытию священной мотивации своей жизни, желание почувствовать себя находящимся на службе каким-то благородным целям и продолжать жить волшебной и удивительной жизнью.

Однако отчужденность, мрачная сестра принадлежности, настолько вездесуща, что вполне возможно называть это повальным увлечением. Мы сейчас гораздо лучше связаны друг с другом с технологической точки зрения, чем когда-либо за всю историю человечества, но при этом стали еще более одинокими и разобщенными. Мы принадлежим к тем поколениям, которые упустили возможность унаследовать те знания, которые навели бы нам мосты, соединяющие нас с принадлежностью. Но самое худшее заключается в нашей амнезии, так как мы часто даже и не осознаем что, что-то упустили.

Все чаще и чаще наши взаимоотношения друг с другом вытесняются бездушными машинами. Несмотря на всю цифровую коммуникацию, роботизацию клиентской службы или розничные автоматизированные продажи, вместо которых должны были бы быть живые люди, мы становимся заложниками технократической эры. В угоду корпоративным интересам мы, минимизированные до состояния потребителей, становимся винтиками той самой машины, перед которой оказываемся в неоплатном долгу. Эта значимая и зачастую скрытая сущность — фундаментальная часть того, что лишает нас человечности, дает нам ощущение одноразового использования. Мы не любим эту машину, да и она, в свою очередь, не отвечает нам взаимностью.

Мы пытаемся наладить отношения, внести посильный вклад в механистическую хореографию вещей, но нам отравляет жизнь ощущение бесцельности. Мы чувствуем на подсознательном уровне, что существует что-то большее, чему мы стремимся принадлежать. И хотя мы не в состоянии объяснить, что это такое, мы ощущаем принадлежность всех окружающих к этому чему-то большему в те моменты, когда смотрим на это со стороны.

Нам больно из-за того, насколько заметно наше отсутствие в кругу принадлежности чему-то большему. Это отравляет нас изнутри. Хотя мы и пытаемся оставаться занятыми, нам редко когда удается унять скрытое внутри одиночество. Стоит лишь начать сокращать общение, и отчужденность становится настолько ощутимой, что угрожает поглотить нас целиком.

Неважно, насколько мы собранны и осуществляем поставленные цели, — резкая боль, вызванная своей непричастностью, продолжает колоть нас изнутри.

И поскольку мы относимся к своим жизням как к проекту для реновации, то, естественно, пытаемся изо всех сил вызывать всеобщее восхищение, быть полезными, стойкими или продвинутыми. Мы всеми силами стараемся срезать острые углы, из-за которых, возможно, и не можем никак найти свое место в жизни. Но по мере того, как это «саморазвитие» посягает на нашу сокровенную первозданность, наши сны и наша связь с сакральным ослабевают. Пуская в ход все оставшиеся ресурсы ради подсознательного стремления принадлежать, мы чув-

ствуем, как все меньше и меньше остается внутренней свободы и комфорта.

Именно здесь и находится наша стартовая позиция — в саднящей ране нашей потерянности, в ноющей боли нашего желания наряду со всеми найти себе место под солнцем. Прежде чем спросить себя, как исцелиться от отчужденности, мы должны сначала склониться над раной и выяснить причины ее появления. Мы должны разобраться с вопросом: а что нами было упущено? Чего нас лишили? И только погружение с головой в самую суть этого страстного стремления даст нам возможность хотя бы мельком увидеть свет того величия, которое предназначено для нас.

Мечты о своем доме

Человечеству свойственно естественное стремление к почитанию «чего-то большего», что связывает всех нас, но мы в наше время живем в своего рода духовной западне, где наши таланты служат только нам самим. В отличие от многих шаманских культур, практикующих снотворчество, ритуалы и обряд инициации, население стран Запада давно забыло то, что индейские народы считали первостепенной важностью: наш мир обязан жизнью непроявленному. Каждая охота и каждый сбор урожая, каждая смерть и каждое появление на свет отмечаются облачением в церемониальные наряды и проведением ритуала в честь того, что невидимо для нас, тем самым возвращаясь к тому источнику, который нас питает. Я полагаю, что наша отчужденность обусловлена чувством пренебрежения к этой взаимности.

Несмотря на то, что для каждой культуры характерна своя мифология, анимистическая модель мировоззрения состоит в осознании того, что во всем присутствует дух. Не только существа в человеческом облики, как мы с вами, но и с четырьмя ногами, очень высокого роста, обладающие острым зрением и покрытые перьями, живущие в утесах сильные и молчаливые люди, обитающие в горах сонные мечтатели и хорошо известные своей общительностью люди, проживающие по берегам рек. Иногда можно поймать духа, если сверху накрыть его перевернутой вверх дном керамической чашкой.

В то время как анимистические воззрения сосуществуют с тем, что писатель и шаман индейцев майя Мартин Прехтель называет «сакральностью в природе», мы превращаемся в культурную среду, сходящую с ума от буквализма и рационализма. Порвав отношения с мифами и жизнью, наполненной символическими значениями, наши личные истории теряют свою значимость во всепоглощающей коллективной движущей силе. Также в результате такого разделения атрофируется наша способность воображать, удивляться и задумываться о том, какой дорогой идти дальше.

Но у каждого из нас есть собственные врата, ведущие назад к братству с таинством, — через наши сны. Занятие снотворчеством — мощный способ органично вплести себя заново в близкие отношения с тем, что последователи суфизма называют Возлюбленным: с божественной взаимосвязью, сакральностью в природе, откуда берут начало все живые существа. Насколько мы его помним, настолько и оно вспоминает о нас. Подобно живому мосту между двумя берегами одной реки, таким же образом и наш разговор является практикой принадлежности друг другу. В этой книге я буду рассказывать о своих снах, а также тех людей, которые мне любезно позволили это сделать, благодаря чему удалось наглядно показать различные пути, приводящие к принадлежности.

Я понимаю это следующим образом: сновидения — часть нашей натуры, *манифестирующая* через нас. Точно таким же образом, как плодоносит дерево или цветет растение, сновидения представляют собой плодоношение нашего эго. Производство символов и последовательности увиденных событий — биологическая необходимость. Мы не сможем выжить без снов. И хотя вполне возможно как-то жить, не вспоминая о своих снах, тем не менее в жизни, направляемой и формируемой сновидениями, следуют сокровенным знаниям самой земли. По мере нашего обучения тому, как следовать инстинктам, спрятанным в сокровенных глубинах нашей души, почтительно относиться к тому, с чем она согласна или нет, нам также приходится развивать способность замечать едва уловимые различия. Именно такая чувствительность и делает нас более проникновенными для чу-